

Марина Картавцева

У ПАМЯТИ СВОЯ ТРОПА

(Из книги Народного учителя СССР «...Есть любовь и память»)

«ЧТО МАРИНА СКАЗАЛА...»

Она была из тех людей, вокруг которых бытие обычно правит течение жизни, и сами они становятся естественными приметамы местной действительности, как река или семь холмов, воронцовая степь или идеальный лес... К примеру, скажут о воронежском образовании, и возникает это имя — Марина Игнатьевна Картавцева. Народный учитель СССР по сути этих слов, кавалер орденов Ленина и Дружбы народов, Почетный гражданин города Воронежа, первый председатель Воронежского областного отделения Российского детского фонда. Она добилась не просто профессиональных высот, но и поистине народного признания. Знакомством с нею гордились все, кто хоть как-то соприкоснулся в мимолетном общении или в многолетней совместной работе. На этот счет у каждого человека есть свой сюжет.

Наше семейство познакомилось с Мариной Игнатьевной своеобразно и в пору, когда ее знаменитость еще созрела, но известность уже выросла до всесоюзных высот. По крайней мере, только неординарному педагогу могли доверить вести на Всесоюзном радио цикл передач «Взрослым о детях». С этим интересным и полезным радиолекторием и связана наша история.

В какой-то момент мы с женой вдруг столкнулись с проблемой: трехлетняя дочка Наташа категорически отказывалась менять бабушкину негу на спартанские будни детсада. По утрам наше голубоглазое сокровище давало реву, стараясь перекричать транзисторный приемник «Океан», который мы врубали, чтобы шум-гам якобы не досаждал соседям. И явление Марины Игнатьевны было тут, как говорится, воспитательно-востребованным. Треск радиоволны вдруг менял песенные децибелы на спокойную, дружелюбную, удивительно чистую русскую речь, понятную даже ребенку. Дочка затихала. Радио слушали до слов: «Передачу вела Марина Картавцева, учитель русского языка и литературы, город Воронеж». Мы с женой переглянулись, по-журналистски оценивая: «Какая редкая душевная интонация у ведущей...» И вдруг меня осенило:

— Ты поняла, что Марина сказала?

Сияя сквозь высыхающие слезы голубыми глазками, дочка кивнула. А я поспешил закрепить педагогический успех:

— Надо пить чай, одеваться и идти в детсад!

Поразительно! Вскоре, хотя и с нео-

Марина Игнатьевна
Картавцева

хотой, но вполне целеустремленно, мы шагали в детсад. А строгая фраза «Ты помнишь, что Марина сказала?» служила нам добрую службу до самой школы.

Где-то в середине 1980-х об этом случае я рассказал Марине Игнатьевне, когда мы сидели рядышком в тиражной комиссии лотереи ДОСААФ, розыгрыш которой проводился в Воронеже. Она была заслуженным учителем РСФСР. Я возглавлял областную газету «Молодой коммунар». Картавцева улыбнулась, но вполне серьезно сказала:

— Как редактор моей любимой молодежной газеты вы должны понимать, что нельзя учить обманом.

— Но ведь мой маленький человек услышал что-то доверительное и нужное именно от вас. Вот я и сыграл на вашем авторитете, — оправдывался я.

— Может, это так и есть, — согласилась учительница. — Доверие, чувство, сердце учит зачастую лучше, чем знание. Но обманывать, даже в малом, нехорошо...

Правду говорят, что характер проявляется в мелочах. Так и Марина Игнатьевна даже в незначительном видеала основное. Без этого нельзя стать настоящим учителем, потому что дети, как никто, чувствуют фальшь, а уж тем более обман. Ее удивительный характер отмечали все, кто соприкасался с нею по

жизни — и простые люди, и высокое начальство. Бывший председатель Воронежской областной Думы Владимир Ключников говорил: «Педагог по призванию, она почти полвека преподавала русский язык и литературу в школе. За это время вырастила целую плеяду талантливых учителей и ученых. Потому что все свое сердце она отдавала детям. И это чувство было взаимным». Председатель Российского детского фонда, писатель Альберт Лиханов признавался: «Марину Игнатьевну Картавцеву я знал и любил немалые годы совместной работы в Детском фонде. Учителем становится, увы, не всякий учительствующий, а лишь тот, кто оставляет след в душах своих учеников. Она была Учителем с большой буквы, сопровождающим детство в большую и нелегкую жизнь».

Однажды, когда в 2000-х годах я работал собкором в «Парламентской газете», мы условились встретиться с Мариной Игнатьевной по заботам Детского фонда. В компанию запросилась и жена, бывшая в то время ведущим редактором областного радио.

— Так вы и есть та Вера Новохатская... — как-то по-матерински обняла ее Марина Игнатьевна. — Я люблю слушать ваши программы. Такой душевный голос и красивая русская речь...

Очень приятно, потому что сейчас у многих ведуших на радио каша во рту.

— Марина Игнатьевна, так я, можно сказать, училась на ваших передачах.

Картавцева удивилась, потом сказала, что ей это привычно: учитель должен отдавать себя людям, даже того не ощущая. Наверное, с этим чувством она и прожила всю жизнь, нисколько не жалея о своем душевном расточительстве. Потому что хорошо знала, что отдающий всегда становится вдвое богаче.

Уже после того, как Марины Игнатьевны Картавцевой не стало, ее коллеги по Детскому фонду, ученики и воспитанники, просто люди, знавшие ее, выпустили книгу «...есть любовь и память» (составитель Л.И. Зимина). В нее вошли воспоминания Народного учителя и воспоминания о Народном учителе, фрагмент которых мы сегодня предла-

гаем читателям. Книга наполнена высоким чувством любви и человечности. Особо поражает сюжет об Инне Чернышевой — любимой студентке-практикантке, ставшей потом одним из лучших словесников Воронежа, победителем конкурса «Учитель года — 99». Рокковой, неизлечимый недуг поразил ее, но она до последнего работала, писала стихи. И Марина Игнатьевна все силы положила, чтобы выпустить книгу стихов И. Чернышевой «По ту сторону дождя». Сама учительница-поэтесса была прикована к постели. Картавцева привезла ей книгу в больницу, видела, каким счастьем сияли глаза больной. Через день Инны не стало...

Так мог поступить только настоящий Человек, великий Учитель.

Владимир НОВОХАТСКИЙ

9-я гимназия в моей человеческой и профессиональной судьбе значит очень много: ей отданы зрелые годы труда, когда его количество перешло в качество, здесь написаны методические пособия по литературе, разработана тематика уроков внеклассного чтения и факультатива «Этика и психология семейных отношений», которые сыграли неоценимую роль в общем развитии и формировании ауры культуры учащихся; здесь выработалась система в руководстве педагогической практикой студентов-филологов университета; в стенах гимназии родилась прекрасная традиция школьных праздников — сначала литературных, позднее — самых разнообразных по тематике, но всегда хорошо подготовленных по содержанию и эстетике оформления; здесь родилась и воплотилась в жизнь идея «Малой Третьяковки», о которой рассказано ранее.

Работа в 9-й гимназии подарила мне так много молодых друзей из числа бывших учеников и студентов-практикантов, которые, уходя из школы после окончания практики, оставались в моей памяти, в моем сердце, в моем доме и становились родными людьми. Это такой дар жизни и судьбы, которому нет цены, особенно в наш жестковатый, рациональный век перестройки и реформирования страны.

Их письма полны благодарности за радость общения, их визиты в дни праздников или без особых причин, когда забегают просто на огонек, доставляют нам обоюдное удовольствие и полны теплых воспоминаний с бесконечными вопросами, звучащими рефреном: «А Вы помните?»

Помню, конечно, помню...

Лиля Осипова (Мешалкина) — изящная, черноглазая, как черкешенка, ныне профессионально состоявшийся толковый врач, работает в Москве, — вспоминает с юмором, как училась писать сочинения:

«При написании их я начинала предложение вполне благопристойно: в нем были подлежащие и сказуемые и второстепенные члены, но затем я накручивала такое количество деепричастных оборотов, что предложение растягивалось на целую страницу школьной тетради, и от этого терялась мысль, заявленная вначале.

Вот Вы и посоветовали мне отработать стиль и добиваться ясности изложения мысли путем реальной переписки с каким-нибудь хорошим адресатом, лучше с мальчиком... Это, наверное, была шутка, но для нас слово учителя звучало как приказ. Я попросила у своей двоюродной сестренки адрес знакомого ей мальчика и... стала писать ему письма. Сначала он был шокирован, потом переписка стала ему интересной тоже. Письма наши были пространны — 3-4 страницы мелким почерком. Обсуждали мы повесть Чивилихина “Пестрый камень”, ну и всю человеческую жизнь заодно...

Это длилось целый год. В моих тетрадях все меньше стало вопросов и восклицательных знаков, начертанных красными чернилами на полях тетради, стиль (помните?) стал выразительнее, эмоциональнее, а дееспричастных оборотов весьма заметно поубавилось...

Кончался учебный год, предстояло готовиться к вступительным экзаменам в медицинский институт. Переписка прекратилась, но фото своего адресата храню до сих пор с чувством благодарности и улыбкой.

И еще я благодарна Вам, Марина Игнатьевна, за любовь к поэзии, которая мне открылась на уроках, на школьных вечерах. До сих пор помню одухотворенные лица Марины, Стаса, слезы Люси, собственное замирание сердца, ощущение причастности к великому и светлому подвигу нашего народа в Великой Отечественной войне.

Я через стихи воспринимала правду жизни в каком-то концентрированном варианте: они стучались в сердце.

Мне кажется, что именно поэтому я знаю, что такое хорошо и что такое плохо, поэтому и верна медицине, семье, Родине и себе. Понимаете?»

Понимаю. Понимаю и радуюсь, что в вас, ныне уже сорокалетних сложившихся людях, звенит и трепещет чистая, светлая мелодия юности, веры в жизнь и предназначение человека в ней вопреки не очень, быть может, гладкой социальной погоде в нелегкое сегодняшнее время.

Люся Клецкина, ныне Максумова, вспоминает: «Еще в школе Вы подарили мне “Маленького принца”, сделав надпись: “Человеку, который умеет быть в ответе за всех, кого приручил”. Конечно, это большой аванс и, скорее, напутствие в жизни. Не всегда справляюсь, но всегда стараюсь выполнить этот Ваш наказ.

Почему рядом с Вами хочется быть умнее, талантливее, справедливее, чище? Теперь, став взрослой, поняла: Вы в каждом из нас видите лучшее. И это лучшее, как под лучами солнца, начинает расти в нас и множиться.

Каждому человеку хочется быть хорошим. А Вы нам в этом помогаете. Знаете, какой урок Ваш я запомнила на всю жизнь и сама определила его тему? — «Взаимодействие стыда и совести».

Вы помните, что у нас в классе пропуски и уходы с уроков были явлением скорее исключительным, нежели нормой. Но однажды мы с девчонками решили прогулять занятия в учебно-производственном комбинате. Устроили этаким праздник непослушания. О прогуле стало известно директору и Вам, классному руководителю.

До сих пор (!) отчетливо помню свои душевные страдания от мысли, что наутро должна буду объяснять свое поведение. Весь вечер пыталась простудиться и заболеть. Даже воды в сапоги налила и ходила по улице в мокрой обуви и без куртки (в ноябре!). Но утром организм не выказал признаков заболевания, и я пошла в школу, как шли стрельцы на эшафот. Помню Ваш спокойный голос: «Встаньте, кто вчера не был на занятиях».

Вы даже не повысили голоса, не отчитали нас — Вы были... разочарованы. Я же готова была провалиться сквозь землю от стыда. Именно тогда я поняла, как стыд взаимодействует с совестью. Я стояла и молчала. И Вы молчали. Только глаза были печальными-печальными...

Вы всегда относились к нам с уважением и доверием. Наверное, именно поэтому, когда наш 8 «Г» оказался в лагере труда и отдыха без Вас, а назначенный временно руководителем педагог позволил в наш адрес фразу: «Что это за бордель — мальчики в комнате у девочек сидят на кроватях? Вышли вон!», мы были оскорблены и объявили бойкот учителю. И Вы нас поняли тогда...

Вы понимали нас всегда».

Может, и не всегда, к сожалению, но старалась, ибо без понимания окружающих тебя людей добрых отношений не получится. Это аксиома.

Заканчивая свое признание в любви к 9-й гимназии, ставшей еще одной альма-матер в моей судьбе, на склоне лет хочу сказать искренние слова благодарности всем моим коллегам за радость совместной работы, за тепло и участие, за добрую улыбку даже на бегу, когда торопимся при встрече.

Это дорогого стоит, поверьте. А потому — спасибо моим любимым словесникам, умным математикам, мудрым историкам, дотошным химикам, ученым биологам и всем-всем-всем!

Понимать и чувствовать друг друга, пока мы живем на земле, — это, однако, только половина успеха наших взаимоотношений. Но, кажется, еще важнее — быть готовым принять людей в свое сердце, если они тянутся к нему за поддержкой и пониманием.

Люди на всей планете Земля так зависимы друг от друга в социальном, экономическом, экологическом аспектах жизни в XXI веке, что уже не приходится говорить о соседях, одноклассниках, сослуживцах, учениках и детях, касаясь этой зависимости. Она нравственно обязывает нас помогать друг другу удержаться на юру жизни в мире, полном опасностей, противоречий, а порой и жестокости.

«ОСТАТЬСЯ ЧТОБ НА КАМНЕ ВЕКА ХОТЬ ЛИСТОЧКОМ»

Так неловко, приступая к этим страницам книги, вновь и вновь обращаться к ставшему хрестоматийным утверждению Сент-Экзюпери о том, что «самая большая роскошь на земле — это роскошь человеческого общения».

Она молода, эта истина: ей немногим больше полувека в сегодняшней интерпретации, но и за этот недолгий срок она успела обогатить человечество, шагнув в его сознание, сердце, жизнь, которую расцветила, предложив каждому желающему черпать эту роскошь без меры: сколько способен взять...

Мир общения со знакомыми и незнакомыми, близкими и не очень — действительно, самое большое наше богатство. И мое тоже.

Дар этот велик, неоценим и совершенно необходим каждому живущему на земле. Кроме, разве, мизантропов. Но они не в счет: это больные, несчастные люди.

Отдавая дань памяти, хочу сказать несколько слов признательности и благодарности Инне Сергеевне Чернышевой за то, что случилась в моей судьбе и одарила меня этой самой «радостью общения», особенно дорогой потому, что оно было окрашено ее поэтическим даром, которому Инна Сергеевна осталась верна до последних мгновений своей жизни.

1 ноября 2005 года мне принесли сигнальный экземпляр последней ее книги «По эту сторону дождя». Было десять часов утра, а в 11.00 я стояла с книгой у ее кровати в онкодиспансере на Каляева.

Инна открыла глаза в ответ на мое приветствие: «Я принесла тебе подарок...» Глаза засветились счастьем, руки прижали книгу к груди, а губы прошептели: «Спасибо, я испытываю сейчас такое чувство, будто мне принесли новорожденно-го ребенка... Он еще никакой, а мне кажется самым умным и красивым...»

Стала листать страницы всеми пальцами (у одного, видно, не хватало сил), любовно всматриваясь в строчки и целуя странички, как новорожденное дитя...

А 3 ноября в 8.00 Инны не стало на земле

5 ноября ее похоронили на сельском кладбище в деревне Раково Курской области.

Стоял туман, густой-густой, низко над землей. Могила на краю погоста и на краю поля: протяни руку — она утонет в тумане, в мироздании, в безбрежности...

Но с нами остались ее стихи, ее талант, ее жизнелюбие и обаяние личности.

Порог 9-й гимназии она перешагнула студенткой-практиканткой 4-го курса филфака университета, после окончания которого вернулась к нам и стала одним из лучших словесников города, победителем конкурса «Учитель года-99». Защитила кандидатскую диссертацию по творчеству Алексея Прасолова, издала две книги стихов.

Как она писала стихи? Как дышала. Черновиков было мало: стихи складывались сразу, целиком, слова вплетались в поэтические строчки, как нить в вологодское кружево — естественно и прочно.

Инна поднималась ко мне на 5-й этаж после 6-го урока: благо, школа была рядом. Входила в квартиру, тяжело дыша: в руках всегда были две большие сумки. В одной — три-четыре пачки тетрадей, в другой — стопки книг, журналов, альбомы с иллюстрациями — все, что требовалось к урокам литературы.

Покормить ее доставляло удовольствие: неприхотливая в еде, она так искренно хвалила мои скромные кулинарные способности, что очень скоро, весьма довольная (она — едой, а я — похвалой), мы освободились — и тогда начиналась та самая «роскошь общения»: Инна читала новые стихи.

...4 декабря — день гибели моего отца на фронте. В этот день я зажигаю свечу перед его фотографией, и колеблющееся пламя освещает его лицо и одновременно то приближает, то отдаляет его от меня: мы давно уже, больше полувека, по разные стороны мироздания.

В этот день я как-то рассказала Инне о его гибели на войне. Она заторопилась домой. Через час позвонила и прочитала вот это:

ДЕКАБРЬ 1942 ГОДА

А я упал в холодный белый снег.
Он засыпал меня колючей солью.
В тот миг я был уже не человек —
И только сердце отдавало болью.
Из белых точек в синеве ночной
Возникло то секундное виденье:
Жены моей прощальное лицо
И дети — наше лучшее творенье.
Ни горечи, ни счастья. Не успел
Понять, что порознь мы навеки.
Колючий снег летел, летел, летел...
И закрывал ладонью мои веки.

Как всегда, она поразила меня чувством времени ледяной той зимы и ощущением трагедии гибели — гибели многих тысяч отцов на сталинградской земле. Как будто ей дано было зрение, обращенное в прошлое через десятилетия.

И так случалось часто: она вдруг звонила и просила: «Марина Игнатьевна, пожалуйста...»

Я слушала. Не кривя душой, говорила ей: «Ты моя умница. Стихи настоящие».

И слышала в трубке ее счастливое дыхание.

Инна Сергеевна серьезно размышляла о трудном пути творца и мечтала «остаться чтоб на камне века хоть листочком».

Когда мы собирали рукописи ее последней книги, она полулежала на постели, но бразды правления из рук не выпускала...

Полсотни стихотворений только о месте поэта в жизни: кто я? Что я? Что несу миру?

Это вечные вопросы настоящего поэта.

У Инны Чернышевой есть своя колея в поэтическом пространстве России. Она выявилась, обозначилась под влиянием двух составляющих: деревенского детства, одарившего девочку красотой родной земли, и учебы в университете, раскрывшем перед нею высоты и дали мировой культуры.

Она любила людей и определила их назначение на земле — отстаивать друг друга у вечности. Чтоб не канул мир в безвестности:

ЛЮДЯМ

Не надо крови, боли и унынья,
Неужных жертв и бестолковых дней —
Мы можем подарить друг другу крылья,
Чтоб в небе походить на лебедей.
Любовь, конечно, есть, а рядом с нею
И дружба есть, и творческий порыв...
И только мы друг друга отогреем,
У вечности друг друга отстоим.

И пусть моя скромная строчка воспоминаний об Инне поможет тоже отстоять ее у вечности...

* * *

Помню одну зимнюю ночь на Красной площади в Москве: вышла к Кремлевской стене из зала, где проходил учительский съезд, потом был концерт, потом вот эта прогулка по метельной площади, когда я, взрослая женщина, мать, учитель, ощутила себя сильной, способной все сделать в жизни, оказаться ее достойной, потому что у меня за плечами были моя Красная площадь, мои седые ели у стены, моя земля, питавшая меня уверенностью и силой.

В душе отчетливо — понимание: для счастья мне мало просто пребывать на земле, мне необходимо ощущение пространства за спиной, в котором я слышу дыхание предков.

А.П. Чехов бесконечно прав: человеку нужно не три аршина земли, где упокоится его тело, ему нужны вся ширь и мощь родной земли, ее дыхание, шелест, шепот, ее зеленая трава и мудрое небо с толстовскими облаками.

Вопреки нынешней убогой философии некоторых новоявленных «идеологов» («Родина там, где хорошо платят»), убеждена: Родина там, где, случается, и горько плачут, и громко смеются, где рожают детей и много работают. Где растут могучие деревья, посаженные дедами-прадедами, и где цветут по весне вишневые сады, к лепесткам которых прикасались материнские руки...

2010 год

